

Роль предметных реалий в структуре мифологического текста (солома в польских быличках и поверьях о зморах)

Поветкина Полина Борисовна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: diana_middls@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8246-5367

Цитирование

Поветкина П. Б. Роль предметных реалий в структуре мифологического текста (солома в польских быличках и поверьях о зморах) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 209–228. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.02

Статья поступила в редакцию 14.04.2021.

Аннотация

Статья посвящена изучению взаимосвязи разных видов культурных кодов в славянской народной культуре, главным образом предметного, персонажного и вербального. Данная проблема рассматривается на примере соломы как особой предметной реалии в мифологическом тексте о зморах. В статье исследуются мотивы и сюжеты, связанные со зморой, в составе которых встречается солома; место этих мотивов и сюжетов в структуре мифологического текста; проблема их картографирования; параллели к ним в народной культуре других западных славян; отражение следов народных представлений о связи зморы с соломой в других фольклорных жанрах; различные способы использования соломы в качестве оберега от зморы; а также функции соломы как элемента материальной культуры, имеющие отношение к исследуемой проблематике. Поскольку упоминания соломы встречаются многократно и в разных контекстах в мифологическом тексте о зморах, в статье высказывается предположение, что они могут рассматриваться как связанные фрагменты, появившиеся в результате распада синкретического народного мировоззрения.

Ключевые слова

Польская народная демонология, солома, предметный код, фольклор, мифологический текст, персонажный код, змора.

Изучение образов и мотивов славянской мифологической прозы в настоящее время является актуальным: в этом направлении в последние десятилетия активно ведутся исследования, что обусловлено объемом накопленного, систематизированного, но далеко не полностью проанализированного и опубликованного материала. Особенно выделяются проблема соотношения имени и образа, а также имени и функции мифологического персонажа (МП), проблема описания и сравнения МП, проблема картографирования славянской мифологии и т. д. В ряде исследований рассматривается предметный мир славянской народной культуры, в том числе мифологического текста (см., например: Виноградова, Толстая 2010; Гура 1995; Толстая 2010).

Изучение предметных реалий в культурном тексте может пролить свет на то, как устроена связь между персонажным, предметным, акциональным и вербальным кодом в народной картине мира. Статья посвящена исследованию взаимосвязи разных типов культурных кодов в славянской народной культуре. Материалом для решения данной проблемы в статье послужат польские фольклорные тексты, в которых встречается солома как особая предметная реалья. В статье будут рассмотрены следующие вопросы: в каких мотивах и сюжетах, связанных со зморами, в польской народной культуре встречается солома, какое место эти мотивы и сюжеты занимают в структуре мифологического текста о змомах, какие параллели к данным мотивам и сюжетам встречаются у других западных славян, как следы связи соломы со зморой отражаются в других фольклорных жанрах; каковы способы использования соломы в качестве апотропея и какие функции соломы как элемента материальной культуры касаются интересующей нас проблематики. Также будет затронута проблема картографирования образа зморы и связанных с ним мотивов и сюжетов.

Функции соломы в славянской народной картине мира исследуются в ряде работ российских и польских этнолингвистов и этнографов (Белова 2012; Bartmiński, Bielak 2017; Tymochoicz 2017), однако роль соломы в мифологическом тексте о змомах в них только затрагивается и не анализируется подробно.

Упоминания предметной реалии «солома» регулярно и в разных контекстах встречаются в польских быличках и поверьях о змомах. Представляется, что многократные упоминания соломы в польском мифологическом тексте о змомах могут рассматриваться как связанный ряд фрагментов, возникших в результате распада мифопоэтического народного мировоззрения. Чтобы снова собрать этот «пазл», кажет-

ся существенным выделить и проанализировать типы контекстов, в которых возникает тема соломы в мифологическом тексте о зморах.

Змора — МП польского фольклора, основная функция которого — душисть (давить) людей во сне, — имеет несколько вариантов локальных наименований: *zmora, mara, gnieciuch, dusiciel, koszmar* и др. (Pełka 1987: 157). Как правило, в тексте тема соломы возникает в связи с женскими персонажами такого типа (*zmora, mora, gniotka* и т. д.), но иногда появляется и по отношению к мужским (например, *gnieciuch*).

При выделении типов контекстов, в которых появляется солома в мифологическом тексте о зморах, главными источниками послужили основные польские журналы по этнографии и фольклору второй половины XIX — начала XX в. и собрание сочинений О. Кольберга — эпохальный труд, содержащий фольклорные материалы практически со всей территории современной Польши. Также были использованы архивные материалы Польского этнографического атласа с 1980-х гг. до начала XXI в., содержащие информацию из 231 населенного пункта, и работы по польской демонологии. Полученный корпус насчитывает приблизительно 1200 текстов.

В первую очередь статья нацелена на то, чтобы обратить внимание на большую значимость соломы для мифологического текста о зморах и привести доказательства этого, поэтому предложенная классификация контекстов, в которых встречается солома, и информация об ареалах их распространения впоследствии может быть дополнена и уточнена.

В мифологическом тексте о зморах на польском языке предметная реалья «солома» может быть выражена с помощью слов и словосочетаний *słomka, źdźbło słomy, słoma* и их диалектных вариантов. Кроме того, представляется, что в некоторых случаях семантика соломы может подразумеваться в текстах и без эксплицитного использования слова «солома». Так, в ряде случаев в сообщениях информантов появляется слово *źdźbło*, которое в польском языке может обозначать не только соломинку, но также стебелек или травинку (см.: *Źdźbło*). По-видимому, в мифологических рассказах о зморах слово *źdźbło* обозначает именно соломинку. Такой вывод можно сделать на основании того, что это слово встречается в тех же самых мотивах и сюжетах о зморе, в которых информанты прямо говорят о соломе. Ареалы бытования этих вариантов также очень схожи (см. ниже). Данную точку зрения подкрепляет и позиция носителей языка. В своей статье о зморах Северин Удзеля приводит два текста, расположенных один за другим, в первом из которых встречается слово *słomka*, а во втором — *źdźbło*. Исследователь считал второй текст вариантом первого в свя-

зи с упоминанием соломы в обоих (Udziela 1900: 404). О синонимии слов *słomka* и *źdźbło* в языке и фольклорных текстах писали также Е. Бартминьский и А. Беляк: «*źdźbło jest istotnie synonimem słomki*» [в сущности, «*źdźbło*» является синонимом слова «*słomka*»] (Bartmiński, Bielak 2017: 115). В таком случае количество рассматриваемых примеров расширится.

Наиболее часто солома служит ипостасью зморы и упоминается в мотиве превращения. В указанных выше источниках мотив превращения зморы в соломинку встречается около пятидесяти раз. Если придерживаться точки зрения, что слово *źdźbło* в быличках и поверьях о зморах также обозначает соломинку, число примеров увеличивается до пятидесяти пяти.

Интересно, что в случаях, когда информанты перечисляют разные ипостаси зморы, облик соломинки обычно присутствует в конце или в начале перечислительного ряда, что свидетельствует о его значимости: «*To była zmora, bo ona w byle co się przerzuci: w źdźbło słomy, w kotka, w pieska itd.*» [Это была змора, потому что она может превратиться во что угодно: в соломинку, кота, собаку и т. д.]; «*Zmora mogła przybierać różne postacie: słomy, myszy, nitki*» [Змора могла приобретать разный облик: соломы, мыши, нитки]; «*Dusza opuszczała ciało noszą w postaci ćmy, kota, a nawet źdźbła słomy*» [Ночью душа покидала тело в образе мотылька, кота и даже соломинки]; «*w postaci kota, myszy, ćmy, kawałka tkaniny, źdźbła słomy*» [в облике кота, мыши, мотылька, кусочка ткани, соломинки] (Kolberg 2005: 389; PAE 13.30. I: 43; PAE 36.31.VIII: 43; PAE 37.30.I: 43). Несмотря на то, что в большинстве наших источников сообщения информантов содержатся в пересказах исследователей, эта закономерность обнаруживается во многих текстах, поэтому ее трудно списать на искажение собирателем порядка слов информанта во время записи. Более того, в некоторых рассказах специально подчеркивалось, что соломинка является самой распространенной ипостасью зморы: «*Może zamienić się w jakiś przedmiot, najczęściej źdźbło słomy*» [Она может превратиться в какой-нибудь предмет, чаще всего в соломинку]; «*przybierała postać najczęściej źdźbła słomy*» [чаще всего она принимала облик соломинки] (PAE 17.26.XIV: 43; PAE 23.31.VII: 43).

Если принять основную функцию зморы (душение человека во сне) за центральную часть рассказов о МП этого типа, превращение зморы в соломинку может происходить как в предшествующей части фольклорного текста, в момент прихода зморы в дом, чтобы душить, так и после этого. Разумеется, многообразие возможных сочетаний мотивов не сводится к этим двум вариантам, а из-за специфики метода собирания

материала для Польского этнографического атласа и некоторых других источников не всегда удается определить, в каком месте в повествованиях информантов встречается мотив превращения зморы в соломинку, но эти два типа рассказов выделяются достаточно четко.

В первом случае обычно сообщается, что до момента повествования змора приходила душить человека, поэтому однажды он решает ее подстеречь и видит, как змора в облике соломинки проникает в комнату сквозь щель: «*Roz pokłóciły sie tu dwie sąsiady, a jedna z nich była zmorą. Wiecór, jak sie wszyscy spać pokładli, przysła do ty sąsiady ta zmora i zaczęła ją dusić i kąsać, a ta baba ani dychnąć ni mogła. Tak było bez kielka nocy. Roz, jak tylko zaczęło sie ściemniać, baba pozamykała dźwi i myśli: bodej całą noc cekać, zeby te zmorę przyłapać. Siedzi, siedzi, a wtem patrzy — a tu dźbło pcho się bez dziurke od kluca do izby. Baba zaroz sie domyślała, ze to pewnikiem ta zmora, bo ona może przybrać postać różną*» [Однажды поссорились две соседки, а одна из них была зморой. Вечером, когда все легли спать, эта змора пришла к той соседке и начала ее душить и кусать, а эта баба даже вздохнуть не могла. Так было несколько ночей. Однажды, когда только начало темнеть, баба закрыла двери и думает: буду ждать хоть всю ночь, чтобы змору поймать. Сидит, сидит и вдруг смотрит — соломинка лезет в комнату сквозь замочную скважину. Баба сразу же поняла, что это точно змора, потому что она может принять разный облик] (Udziela 1900: 404). Информация о том, что змора уже приходила душить человека, в этом случае может присутствовать в тексте до появления зморы в облике соломинки, но специфика быличек первого типа заключается в том, что человеку, как правило, удается предотвратить нападение в момент, о котором идет речь, так как он замечает змору в облике соломинки до начала душения и предпринимает необходимые действия. В поверьях такого типа может быть сказано, что змора сначала превращается в соломинку, а потом начинает душить или иным способом вредить людям: «*Zmora może przy drzwiach zamkniętych dostać się do osoby, którą dusi, w kształcie słomki przez otwór od klucza albo przez szparę w drzwiach*» [Змора может попасть к человеку, которого душит, сквозь закрытую дверь, в облике соломинки через замочную скважину или щель в двери] (PAE 20.27.II: 45).

Во втором случае превращение зморы в соломинку следует за моментом душения, когда после пробуждения или при попытке поймать змору информант находит соломинку на груди или рядом с собой: «*Do jednej z inf. przychodziła w nocy gniotka i dusiła ją. Tak było przez dłuższy czas, i było to dla inf. bardzo męczące. Kiedyś po przebudzeniu informatorka*

znalazła leżącą obok siebie słomę. Połamała ją — na drugi dzień przysłała do niej sąsiadka, cała połamana. Stąd informatorka wywnioskowała, że to sąsiadka była ową gniotką» [К одной из инф. ночью приходила змора и душила ее. Так было долгое время, и для инф. это было очень мучительно. Однажды после пробуждения информантка нашла соломинку, лежащую рядом с ней. Она поломала ее, а на следующий день к ней пришла соседка, вся переломанная] (РАЕ 17.31.X: 43). В источниках было найдено 10 примеров второго типа. Если человеку удастся поймать змору в облике соломинки после душения, он должен крепко ее держать, и тогда можно заставить ее дать обещание больше не приходиться или получится распознать ее (см., например: Kolberg 1967: 478; РАЕ 17.31.X: 43; РАЕ 26.28.VI: 44–45). Такой тип превращения зморы в соломинку характерен для части текста, которая следует за душением, но это еще не самый конец текста, и после превращения повествование некоторое время продолжается. Мотив превращения зморы в соломинку после душения иногда может осложняться чередой последовательных превращений зморы из одного облика в другой: «Zmora może się przemienić w jakąkolwiek istotę — bądź żyjącą, bądź martwą, gdy jest w niebezpieczeństwie; kto przytomnego umysłu wtenczas, gdy go snem dręczy lub ssie, łapie to, co jest koło niego lub na nim: bądź słomka, kot — i tym potrzyma mocno, chociaż mu się w najokropniejsze gady zamienia, nie puszcza, ta na koniec dla bojaźni staje się, czym jest, i prosi o wolność» [Змора может превратиться в какое-нибудь существо или предмет — что-то живое или неодушевленное, когда она в опасности; если кто-то пребывает в полном сознании в момент, когда змора мучает его сном или сосет, он хватает то, что находится рядом с ним или на нем, соломинку или кота, и крепко это держит и не отпускает, хотя бы змора превращалась в самых ужасных гадюк; наконец, от страха она становится тем, чем является, и просит освободить ее] (Kolberg 1967: 479). Еще более редкий вариант превращения зморы в соломинку после душения, который встречается только у Казимира Вуйчицкого, интересен тем, что это происходит после поимки зморы в бутылку непосредственно перед ее уничтожением (Wójcicki 1867: 67).

Как можно заметить в приведенных выше цитатах, превращение зморы в соломинку периодически сочетается в тексте с мотивом проникновения в комнату сквозь щель или замочную скважину: «Północ prawie wybiła na kościelnym zegarze, gdy wtem ujrzał, że przez kluczową dziurkę przesuwa się ździebełko słomy do izby» [На часах в костеле почти пробила полночь, когда он увидел, что через замочную скважину в комнату протискивается соломинка] (Morcinek 1929: 92–93). Нам

удалось найти не менее 17 таких примеров. Возможно, отчасти этот мотив связан с тем, что в Польше раньше обкладывали соломой двери и заделывали ею щели в целях утепления домов (Bartmiński, Bielak 2017: 117; Tumochołowicz 2017: 148). Данная практика нашла отражение и в мифологическом тексте о персонажах, душащих людей во сне: герой былички из окрестностей Ропчиц затыкал соломой щели в окнах и дверях, через которые входил *gnieciuch* (Udziała 1886: 112). Но, разумеется, только влиянием окружающих элементов материальной культуры мотив проникновения сквозь замочную скважину объяснять нельзя, поскольку он известен в связи с МП этого типа не только у славян, но и в скандинавских странах, где обнаружить ипостась соломинки у подобных персонажей нам пока не удалось: он встречается в сюжете о браке с персонажами этого типа, отмеченном в указателе финской мифологической прозы Марьятты Яухийайнен со ссылкой на параллели в каталоге норвежских мифологических рассказов Рейдара Торальфа Кристиансена (Jauhainen 1998: 315, 361–362).

Змора принимает облик соломинки также в группе сюжетов о ее распознавании. Распознавание зморы может происходить с помощью перерезания или ломания соломинки, ее фиксации на одном месте до утра тем или иным способом или битья до тех пор, пока она не примет облик человека. Мотив проникновения зморы сквозь щель или замочную скважину встречается в этих сюжетах часто, хотя и не всегда. Чаще всего в источниках фиксируются сюжеты о перерезании и о фиксации зморы на месте до утра (11 и 9 примеров). Сюжет о распознавании зморы в облике соломинки с помощью долгого битья был обнаружен нами только один раз (РАЕ 26.29.XV: 45). Эти сюжеты встречаются в быличках и поверьях в развернутом виде или только фрагментарно: «*jakby przyciąć taką słomkę zmore to pół kobiety zostanie z jednej strony drzwi, a pół z drugiej strony*» [если перерезать такую соломинку, то половина женщины останется с одной стороны двери, а половина с другой]; «*Jeden człowiek we wsi złapał zmorę. Zaczął się na zmorę i ją ułapił. Wtedy zmore zmieniła się w źdźbło słomy, i chłop przebił tę słomę poświęconą szpilką, wyszedł na dwór i wraził szpilkę ze słomą w okno, a następnie poszedł spać. Gdy się rano obudził, szpilką przybita była jedna kobieta ze wsi, która zaklinała go, aby jej nie wydał*» [Один человек из деревни поймал змору. Он подкараулил змору и схватил ее. Тогда змора превратилась в соломинку, и мужик пробил эту соломинку освященной шпилькой, вышел во двор и вбил шпильку с соломой в окно, а затем пошел спать. Когда он проснулся утром, шпилькой была прибита одна женщина из деревни, которая умоляла его не выдавать

ее]; «Gdy zmoreę zamienioną w mysz, żabę czy słomę się złapie, to należy ją tak długo bić, aż się zamieni w człowieka» [Когда поймают змору, превратившуюся в мышь, лягушку или соломинку, нужно бить ее до тех пор, пока она не превратится в человека] (РАЕ 22.34.IX: 43; РАЕ 26.28.VI: 44–45; РАЕ 26.29.XV: 45).

Необходимо учитывать, что при распознавании с помощью перерезания, фиксации или долгого битья змора и подобные ей персонажи могут не только принимать облик соломинки, но также выступать в других своих ипостасях, например, превращаться в ко́та, мышь, мотылька, нитку и т. д. (см., например: РАЕ 13.30.I: 43; РАЕ 36.31.VIII: 43; РАЕ 37.30.I: 43). Из перечисленных выше сюжетов о распознавании, связанных со зморой, наиболее полно тема соломы раскрывается в сюжете о распознавании с помощью перерезания. Несмотря на то, что в сюжете о перерезании облик зморы тоже может варьироваться, число ипостасей существенно более ограничено по сравнению с другими сюжетами о распознавании: в этом сюжете змора обычно принимает облик длинных тонких предметов, например соломинки или нитки, поскольку их можно легко перерезать или сломать, причем облик соломинки является более частотным. Кроме того, в таком сюжете часто присутствует мотив проникновения сквозь замочную скважину, который поддерживается небольшим размером и вытянутой формой ипостасей зморы, а также развязкой сюжета, когда перерезавший соломинку человек поутру обнаруживает половину женщины с одной стороны двери, а половину с другой. Перерезанная соломинка настолько тесно связана со зморой в народном сознании, что она появляется не только в быличках или поверьях об этом МП, но также в приметах, свидетельствующих о ночном визите зморы: «O robycie zmorę w izbie sądzono po “uciętych źdźbłach słomy”» [О пребывании зморы в доме судили по перерезанным стебелькам соломы] (РАЕ 37.30.I: 45). Поэтому сюжет о распознавании зморы с помощью перерезания можно считать основным сюжетом о зморе в облике соломинки.

Змора может выступать в виде соломинки и в другом чрезвычайно характерном для нее сюжете о распознавании. В этом случае во время или после душения жертва обещает зморе подарок или угощение, за которым та возвращается в человеческом облике на следующий день (см., например: Kolberg 1962: 43). Этот сюжет и облик соломинки в нем являются настолько типичными для зморы, что его следы можно обнаружить не только в польских быличках и поверьях, но и в других фольклорных жанрах, например приметах и толкованиях снов. Так, найденная на полу соломинка предсказывала приход

гостя (в Кашубии даже приход женщины). Эти же значения в числе прочих приписываются и соломе, увиденной во сне (Bartmiński, Bielak 2017: 126, 127). Таким образом, в толкованиях снов и приметах повторяется даже структура и логика мифологического сюжета.

Мотив превращения зморы в животное или предмет, в том числе соломинку, может чередоваться в мифологических текстах с мотивом выхода души из спящего тела зморы в определенном облике. В двух примерах, один из которых относится к окрестностям Замостья, а другой записан от информанта, происходящего из Жешовского района, сказано, что душа может покидать спящее тело зморы в облике соломинки или на стебле соломы (РАЕ 36.31.VIII: 43; РАЕ 11.28.VI: 43). В этих примерах отражаются польские народные представления о соломе как месте пребывания души. Так, около Познани и Кракова считали, что на рождественской соломе отдыхают души предков, и именно «благодаря контакту с душами солома приобретала волшебную силу» (Тумошович 2017: 151); «во время прохождения похоронной процессии солому разбрасывали по дороге, чтобы душа могла на нее присесть» (Ibid.: 152); в Дзялдово для этого на перекресток клали связку соломы. Солома, на которой лежал умерший, служила «душам как место отдыха, никто из местных жителей не мог на нее присесть, ее опасно избегали» (Тумошович 2017: 152); «бытовало мнение, что на такой соломе отбывает посмертное наказание душа, а это наказание будет длиться до тех пор, пока тело лежит в доме» (Bartmiński, Bielak 2017: 122–123); «от возвращения души, которая могла бы навредить домашним и навлечь чью-то смерть, защищались, оставляя солому в отдалении от домов» (Тумошович 2017: 152); «телегу, на которой везли гроб, переворачивали колесами вверх, чтобы *wytrzepać duszę* (вытряхнуть душу), если она запуталась в соломе, чтобы она не осталась около дома» (Bartmiński, Bielak 2017: 122–123); линейная форма соломы символизировала путь на тот свет (Белова 2012: 107).

Народные представления о душе проявляются на разных уровнях и в мифологическом тексте о зморах. Для персонажей этого типа характерен мотив выхода души из спящего тела; в некоторых местах зморой может становиться душа умершего человека, в том числе члена семьи (РАЕ 13.30.I: 43; РАЕ 11.29.XV: 43; Udziela 1900: 408–409), а ипостаси зморы (например, мышь, мотылек и т. д.) являются одновременно и формами существования души (Виноградова 1999: 141–160; см., например: РАЕ 13.30.I: 43; РАЕ 11.29.XV: 43). Около Тчева говорили, что когда приходит умерший родственник, он оставляет на полу соломинку с колосом, которая появилась неизвестно откуда (РАЕ

20.12.IV: 29), что морфологически воспроизводит мотив обнаружения зморы в облике соломинки после душения. Вероятно, общим знаменателем в народных представлениях о связи соломы с душой и души со зморой служит выход души из тела и ее пребывание недалеко от него, что объединяет и души недавно умерших людей, и змору, душа которой покинула ее тело во время сна.

Упоминание соломы многократно встречается также в текстах о способах защиты от зморы. В польских быличках и поверьях периодически возникает следующий сюжет: если змора душист человека, необходимо положить ему в постель сноп соломы или соломенную куклу, а сам человек должен спрятаться под кроватью или уйти спать в другое место. После этого одуроченная змора мстит и в ярости пробивает ножом сноп или куклу или отрубает кукле голову, но больше не возвращается (см., например: Sulisz 1906: 75; Świątek 1893: 519; Ulanowska 1884: 291). Нам удалось обнаружить шесть фиксаций этого сюжета в чистом виде и две записи, содержащие близкие ему мотивы. В одной из двух фиксаций последнего типа сказано только о необходимости поставить сноп соломы на кровать, чтобы защититься от зморы, и месть зморы не упоминается (Peřka 1987: 160). Во втором случае говорится, что если человека душист змора, следует положить ему в кровать на место головы сноп соломы или камни, и тогда змора будет душить их, а не человека (РАЕ 18.20.XVI: 45). Строго говоря, последний случай уже не является разновидностью сюжета про месть зморы, но данный сюжет и этот пример объединяет стратегия переключения внимания зморы с жертвы на сторонний объект. Существенно, что во всех восьми примерах речь идет о том, чтобы положить в кровать перед сном какой-либо предмет из соломы (сноп соломы, соломенную куклу, чучело из соломы в крестьянской одежде). В этом проявляется апотропеическая функция соломы в славянской народной культуре — в польской традиции солома выступает в качестве оберега от несчастья, насекомых и нечистой силы, а также болезней людей и домашних животных (см. подробнее в: Белова 2012: 111; Bartmiński, Bielak 2017: 124–125; Tymochowicz 2017: 147, 151, 153). Так, чтобы защитить скотину от ведьм, на дверях коровника вешали сноп соломы, а на Пасху домашним животным давали есть солому с соломенной крыши (Bartmiński, Bielak 2017: 124); «в целях защиты от злых сил с кануна Рождества до праздника Трех королей или с середины до конца Великого поста в окнах помещали крестики из соломы или теста» (Ibid.: 125). Апотропеическая функция соломы известна не только у славян, но также на территории Германии (Ibid.:

117). В сюжете про месть зморы отражаются и реалии — солома у славян была распространенным материалом при изготовлении кукол, предназначенных для обрядовых целей или игры и выступавших в том числе в качестве заместителя человека (Tymochowicz 2017: 147; Виноградова, Толстая 2004: 27–28).

В Польше известны и другие, значительно более редкие способы защиты от зморы, в которых фигурирует солома. В отличие от рассмотренных выше мотивов и сюжетов, они относятся к периферии сюжетно-мотивного фонда мифологического текста о зморе и, как правило, зафиксированы по одному разу. Так, в Ястковицах около Тарнобжега для защиты от зморы клали нож под солому (PAE 32.31.X: 45). Острые колющие и режущие предметы, как и солома, применялись в качестве апотропеев, но любопытно, что в этом способе защиты от зморы присутствуют те же элементы, что и в сюжете про месть зморы, т. е. солома и нож.

Не менее важно и то, о какой именно соломе здесь идет речь, поскольку во многих регионах Польши раньше спали на соломе или набивали ею подушки и сеники, служащие в качестве матрасов (Bartmiński, Bielak 2017: 115–117; Tymochowicz 2017: 148; Simonides 1984: 106). Это нашло отражение также в польском устном народном творчестве, в частности в песнях и поговорах, согласно которым сон на соломе был для крестьян обычным делом: «Moja miła matuchno, jak się spało miluchno, gdyś mię kryła w pierzynie, teraz musę na słomie» [Моя милая матушка, как мне хорошо спалось, когда ты укрывала меня периной, а теперь я вынуждена спать на соломе]; «A jo nieboziuchna na goły słomie, przewróće sie z boku na bok, nikoguj przy mnie» [А я, бедняжка, на голой соломе перевернусь с боку на бок, никого нет рядом со мной]; «Dwóch się zgodnych na jednej słomie prześpi» [Двое сговорчивых на одной соломе поспят]; «Tak się dobrze można wyspać na słomie jak na pościeli» [На соломе можно выспаться так же хорошо, как на постели]; «Doma le je doma, choćby w łóżku była le goła słoma» [Дома есть дома, хотя бы в кровати и была одна солома] (Bartmiński, Bielak 2017: 115, 116). Поскольку в польской народной традиции змора нападает на человека преимущественно во время сна, при анализе поверий и быличек о зморах необходимо учитывать условия, в которых спали жители польских деревень. Обыкновение спать на соломе находит отражение даже в самом мифологическом тексте о зморах. В одной из кашубских быличек солдат, которому удалось подслушать ночной разговор змор, спит на соломе, которую ему специально для этого приносят (Kolberg 1965: 416). В двух других найденных нами примерах предписывалось сжечь солому, на которой человека душила

змора, или не спать на ячменной соломе, чтобы уберечься от этого МП (Peřka 1987: 160). Данные примеры подтверждают, что зоны Польши, в которых солома или изделия из нее были предназначены для сна, и ареал распространения мифологического текста о зморах пересекаются. Сном на соломе или соломенном сеннике отчасти может объясняться и распространенность у зморы облика соломинки, так как в быличках часто говорится о том, что рассказчик находит превратившуюся в соломинку змору рядом с кроватью или прямо в ней. Дорота Симонидес напрямую связывает эти два обстоятельства друг с другом: «В домах, в которых нет сенников, нет обоснования для рассказов о зморе, входящей сквозь замочную скважину в облике соломинки» (Simonides 1984: 106).

Иногда сюжет о распознавании зморы может возникнуть в контексте защиты от зморы. Так, в одном примере рекомендуется сломать лежащую на полу соломинку, когда послышится скрип двери, сигнализирующий о появлении зморы (Baranowski 1981: 72).

Двойственное восприятие соломы в польской народной культуре (с одной стороны, как берега от зморы, с другой стороны — как ее ипостаси) проявляется также в том, что в разных локальных традициях ей приписываются противоположные значения. Так, в окрестностях Радома и Ружана над Нарвой считалось, что пшеничная солома и солома с засушенными цветами василька отпугивает змор, тогда как в восточной части Польши ячменная или овсяная солома их привлекает (Baranowski 1981: 73). Следует отметить, что змора — не единственный МП в польском фольклоре, ипостась которого связана с соломой, хотя в случае с ней это наблюдается наиболее регулярно. Так, в Великой Польше зафиксировано представление о том, что в соломинку может превратиться ведьма (впрочем, обычно этот мотив все-таки связан со зморой, которая в некоторых польских локальных традициях сближается с ведьмой); в Силезии снопом соломы становятся *ogniki* (блуждающие огни), а в Кашубии в горящий стог соломы обращается *latalēca* (дух зерна) (Bartmiński, Bielak 2017: 116–117). О демонической природе персонажа может свидетельствовать также наличие у него соломенной шляпы (Bartmiński, Bielak 2017: 117). Представления о связи демонов с соломой известны и в других славянских народных традициях (Белова 2012: 112–113).

Солома использовалась в качестве берега от зморы не только для людей, но и для домашних животных, прежде всего лошадей, так как в Мазурии, окрестностях Серадза и некоторых других частях Польши были зафиксированы представления о том, что змора заезживает или душит коней (Kolberg 1967: 478; Toeppen 1892: 178). Под Кельцами для

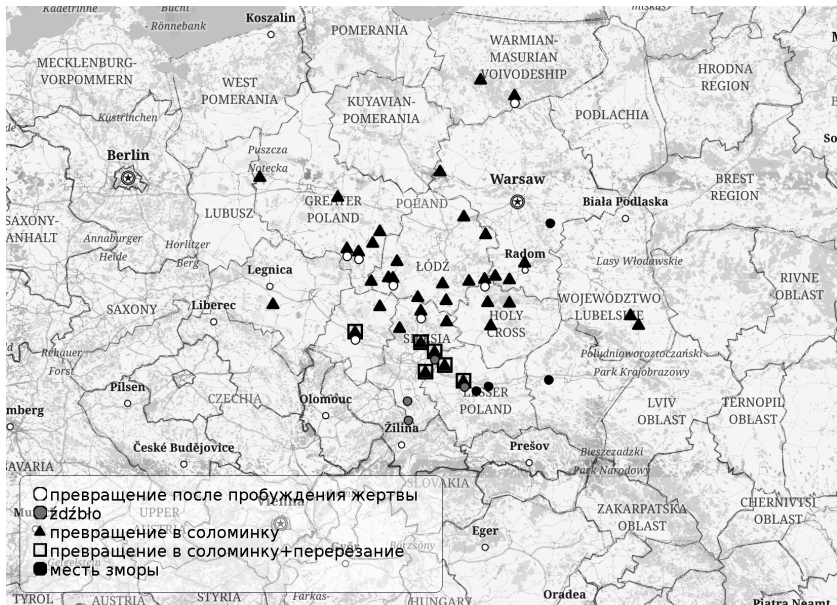
защиты от этого рекомендовалось поместить в гриву коня венок из соломы с красной лентой (РАЕ 26.29.XV: 45), а около Радзеюва — потереть коня связкой соломы по хребту (РАЕ 20.21.III: 31, 43). Помимо апотропеических функций соломы эти способы защиты домашних животных отражают связь соломы со скотом, так как солома часто использовалась на территории Польши как корм и подстилка для лошадей и коров (Bartmiński, Bielak 2017: 114, 117–118; Tymochowicz 2017: 146). Змора тоже связана со скотом и местом его обитания, поскольку она вредит домашним животным и нападает на людей, ночующих не только в доме, но и в конюшне. В одной из быличек спящий в конюшне герой узнает о приближении зморы по шуршанию соломы (Udziela 1900: 403). Еще в одном тексте змора нападает на человека в другой хозяйственной постройке, пол которой устлан соломой (Udziela 1900: 401–402).

Установить границы ареалов распространения описанных выше мотивов, сюжетов, способов защиты и других упоминаний соломы в мифологическом тексте о зморах возможно только приблизительно. Во-первых, не во всех случаях достаточно количества примеров для картографирования. Кроме того, в источниках XIX — начала XX в. точное место записи часто бывает не указано, а в Польском этнографическом атласе большая часть информации о западной части Польши исходит от переселенцев из других ее областей, современной Украины или Белоруссии, и не всегда можно установить, кому из информантов принадлежит данное сообщение. Тем не менее на основании карты и подготовительных таблиц некоторые наблюдения могут быть сделаны.

Мотив превращения зморы в соломинку лучше всего подходит для картографирования, так как мы располагаем большим количеством его фиксаций. Согласно нашим источникам, он зафиксирован в основном в южной части Польши, в Силезии, окрестностях Познани, Кракова, Кельца, Лодзи, в Мазурии и Мазовии с наибольшей концентрацией в треугольнике Радом — Ополе — Краков. По свидетельствам Бохдана Барановского, данный мотив встречается в восточной Мазовии, Подлясье, а также в районе Лодзи и Опочно, что частично совпадает с нашими наблюдениями (Baranowski 1981: 72).

Превращение зморы в соломинку, когда человек ловит ее после пробуждения, встречается в зоне с примерными границами Петркув-Трыбунальский — Ополе — Остров Велькопольский.

Сюжет о распознавании зморы с помощью перерезания соломинки в основном сосредоточен в районе Кракова и Катовиц. Приблизительно там же и еще южнее находятся примеры употребления в этом сюжете слова *źdźbło*.

Солома в мифологическом тексте о зморах

Наконец, сюжет про месть зморы и защиту от нее с помощью подкладывания снопа соломы в кровать отмечен в окрестностях Кракова, Жешува и Гарволина. Можно осторожно предположить, что, поскольку области, в которых змора превращается в соломинку, и ареалы, где солома от нее защищает, по крайней мере отчасти пересекаются, возможно, солома используется в качестве оберега от зморы именно из-за своей связи с ней. Народная традиция знает подобный механизм защиты от нечистой силы, когда символическое изображение демона или отождествляемый с ним предмет используется в функции апотропея. Один из примеров такого способа защиты известен в польской традиции как раз в связи со зморой — чтобы уберечь от нее скотину, в конюшне вешают зеркало (см., например: РАЕ 30.19.VII: 43).

Ряд параллелей к рассмотренным выше мотивам, сюжетам и апотропейским практикам встречается у других западных славян. Мотив превращения в соломинку МП, который душит людей по ночам, известен у чехов и лужицан (Czerny 1898–1899: 498, 503, 505, 506; Máchal 1907: 17). В Чехии ипостась соломинки встречается у персонажей типа зморы в сюжете о распознавании с помощью фиксации: кузнец прибывает найденную соломинку к воротам, а утром обнаруживает там прибиту за юбку куму (Czerny 1898–1899: 506). В лужицком фолькло-

ре зафиксирован мотив превращения такого персонажа в соломинку после нападения, когда человек его ловит, и соломинка остается у него в руке (Czerny 1898–1899: 498, 503, 505, 506). Как и в польском фольклоре, у лужичан за этим следует разного рода распознавание — соломинку крепко держат до самого утра, помещают в закрытый сосуд или прибивают к стене, и впоследствии она превращается в живого или мертвого человека (Czerny 1898–1899: 503, 505, 506). Так же, как и у поляков, в лужицком фольклоре МП такого типа может проникать в дом через замочную скважину или маленькую щель, но нам пока не удалось установить, превращается он при этом в соломинку или нет (Czerny 1898–1899: 498). Лужичане использовали солому и в качестве оберегов от персонажей типа зморы — привязывали две соломинки к замочной скважине крест-накрест (Czerny 1898–1899: 502).

Представляется, что подобное функционирование соломы в мифологическом тексте и апотропеических практиках, связанных со зморами, говорит о важной роли соломы в народных представлениях о зморе и наличии тесной связи между ними в народной картине мира поляков и других западных славян. На данном этапе не совсем понятно, является ли это западнославянской особенностью, как это можно предположить из наших данных, или характерно также для других славян или неславянских стран Европы. Ответ на этот вопрос требует более обширных сравнительных исследований МП этого типа у разных славянских и европейских народов.

Источники и литература

Архив Польского этнографического атласа (Цешин). Вопросник № X: Demony, półdemony i istoty nadprzyrodzone w opowiadaniach i wierzeniach ludowych / отв. ред. Ю. Гаек. Вроцлав, 1980.

PAE 22.34.IX — Babice, ок. Oświęcimia (1987), sygn. PAE 22.34.IX, s. 43–46.

PAE 32.31.X — Jastkowice, ок. Tarnobrzega (1987), sygn. PAE 32.31.X, s. 43–46.

PAE 17.26.XIV — Jezioro, ок. Ostrowa Wielkopolskiego (1982), sygn. PAE 17.26.XIV, s. 43–46.

PAE 13.30.I — Książnica Śląska, ок. Dzierżoniowa (1983), sygn. PAE 13.30.I, s. 43–46.

PAE 23.31.VII — Lelów, ок. Włoszczowy (1983), sygn. PAE 23.31.VII, s. 43–46.

PAE 17.31.X — Ligota Prószkowska, ок. Opola (1984), sygn. PAE 17.31.X, s. 43–46.

PAE 11.29.XV — Lubomin, ок. Wałbrzycha (1983), sygn. PAE 11.29.XV, s. 43–46.

PAE 26.28.VI — Modliszewice, ок. Końskich (1983), sygn. PAE 26.28.VI, s. 43–46.

PAE 20.21.III — Orle, ок. Radziejowa (1980), sygn. PAE 20.21.III, s. 43–46.

PAE 26.29.XV — Promnik, ок. Kielc (1982), sygn. PAE 26.29.XV, s. 43–46.

PAE 30.19.VII — Przedświt, ок. Ostrowa Mazowieckiego (2000), Sygn. PAE 30.19.VII, s. 43–46.

PAE 11.28.VI — Słup, ок. Jawora (1983), sygn. PAE 11.28.VI, s. 43–46.

PAE 20.27.II — Szklana Huta, ок. Sieradza (1980), sygn. PAE 20.27.II, s. 43–46.

PAE 20.12.IV — Szczerbięcín, ок. Tczewa (1985), sygn. PAE 20.12.IV, s. 43–46.

PAE 18.20.XVI — Wójcin, ок. Mogilna (2000?), sygn. PAE 18.20.XVI, s. 43–46.

PAE 36.31.VIII — Wólka Łabuńska, ок. Zamościa (1981, 2001), sygn. PAE 36.31.VIII, s. 43–46.

PAE 37.30.I — Wysokie, ок. Zamościa (1981), sygn. PAE 37.30.I, s. 43–46.

Белова 2012 — *Белова О. В.* Солома // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 107–113.

Виноградова 1999 — *Виноградова Л. Н.* Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды: сборник к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Индрик, 1999. С. 141–160.

Виноградова, Толстая 2004 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Кукла // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 27–31.

Виноградова, Толстая 2010 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Веник (метла) в обрядах и верованиях // Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 70–96.

Гура 1995 — *Гура А. В.* Борона // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 235–238.

Толстая 2010 — *Толстая С. М.* Зеркало в традиционных верованиях и обрядах // Толстая С. М. Семантические категории языка культуры.

Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 97–114.

Baranowski 1981 — *Baranowski B.* W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1981. 326 s.

Bartmiński, Bielak 2017 — *Bartmiński J., Bielak A.* Językowo-kulturowy obraz słomy w polskiej lingwokulturze. Szkic etnolingwistyczny // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury.* Lublin, 2017. T. 29. S. 111–133.

Czerny 1898–1899 — *Czerny A.* Istoty mityczne Serbów Łużyckich // *Wiśła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny.* Warszawa, 1898–1899. T. 12. Z. 1, 3, 4. S. 188–210, 467–506, 667–692.

Jauhainen 1998 — *Jauhainen M.* The type and motif index of Finnish belief legends and memorates. Revised and enlarged edition of Lauri Simonsuri's Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia (Academia Scientiarum Fennica), 1998. 362 p.

Kolberg 1962 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 15. W. Ks. Poznańskie. Cz. VII. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962. 324 s.

Kolberg 1965 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 39. Pomorze. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1965. 570 s.

Kolberg 1967 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 46. Kaliskie i Sieradzkie. Wrocław; Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1967. 588 s.

Kolberg 2005 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Krakowskie. Suplement do t. 5–8. T. 73, cz. II. Poznań: Instytut im. Oskara Kolberga, 2005. 543 s.

Máchal 1907 — *Máchal J.* Bájessloví slovenské. V Praze: Nakl. J. Otty, 1907. 174 s.

Morcinek 1929 — *Morcinek G.* Powiarki Śląskie // *Zaranie Śląskie.* Cieszyń, 1929. R. 5. Z. 2. S. 91–94.

Pełka 1987 — *Pełka L.* Polska demonologia ludowa. Warszawa: Iskry, 1987. 236 s.

Toeppen 1892 — *Toeppen M.* Wierzenia mazurskie // *Wiśła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny.* Warszawa, 1892. T. 6. Z. 1. S. 145–184.

Tymochowicz 2017 — *Tymochowicz M.* Słoma w kulturze tradycyjnej // *Studia Etnologiczne i Antropologiczne.* Katowice, 2017. T. 17. S. 146–160.

Simonides 1984 — *Simonides D.* Śląski horror: o diabłach, skarbnikach, utopcach i innych strachach. Katowice: Śląski Instytut naukowy, 1984. 144 s.

Sulisz 1906 — *Sulisz J.* Zapiski etnograficzne z Ropczyc // *Lud.* Lwów, 1906. T. 12. S. 57–81.

Świętek 1893 — *Świętek J.* Lud nadrabski (od Gdowa po Bochnię). Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1893. 728 s.

Udziela 1886 — *Udziela S.* Materyały etnograficzne zebrane z miasta Ropczyc i okolicy // *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej.* Kraków, 1886. T. 10. S. (75)–(156).

Udziela 1900 — *Udziela S. Świat nadzmysłowy ludu krakowskiego, mieszkającego po prawym brzegu Wisły. Cz. II // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. Warszawa, 1900. T. 14. Z. 4. S. 399–411.*

Ulanowska 1884 — *Ulanowska S. Niektóre materyały etnograficzne we wsi Łukówcu (mazowieckim) // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. Kraków, 1884. T. 8. S. (247)–(323).*

Wójcicki 1867 — *Wójcicki K. Fantastyczne postacie ludowe. Zmora // Kłosy. Czasopismo ilustrowane tygodniowe. Warszawa, 1867. T. IV. Nr 84. S. 67.*

Źdźbło — *Źdźbło // Słownik języka polskiego PWN, URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/zdzblo;2547930.html> (дата обращения: 09.04.2021)*

References

Baranowski, B. *W kręgu upiórów i wilkołaków*. Łódź: Łódź Publ., 1981, 326 p.
 Bartmiński, J., Bielak, A. “Językowo-kulturowy obraz słomy w polskiej lingwokulturze. Szkic etnolingwistyczny.” *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*, vol. 29, 2017, pp. 111–133.

Belova, O. V. “Soloma.” *Slavianskie drevnosti: Ètnolingvističeskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoï. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, pp. 107–113.

Gura, A. V. “Borona.” *Slavianskie drevnosti: Ètnolingvističeskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoï. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, pp. 235–238.

Jauhainen, M. *The type and motif index of Finnish belief legends and memorates. Revised and enlarged edition of Lauri Simonsuuri's Typen- und Motivverzeichnis der finnischen mythischen Sagen*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia (Academia Scientiarum Fennica), 1998, 362 p.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie. Vol. 15: W. Ks. Poznańskie. Iss. 7*. Wrocław, Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962, 324 p.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie. Vol. 39: Pomorze*. Wrocław, Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1965, 570 p.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie. Vol. 46: Kaliskie i Sieradzkie*. Wrocław, Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1967, 588 p.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie. Krakowskie. Supplement do t. 5–8. Vol. 73, iss. 2*. Poznań: Oskar Kolberg Institute, 2005, 543 p.

Máchal, J. *Bájeslovi slovenské*. Prague: J. Otty Publ., 1907, 174 p.

Morcinek, G. “Powiarki Śląskie.” *Zaranie Śląskie*, vol. 5, no. 2, 1929, pp. 91–94.

Pełka, L. *Polska demonologia ludowa*. Warszawa: Iskry, 1987, 236 p.

Simonides, D. *Śląski horror: o diabłach, skarbnikach, utopcach i innych strachach*. Katowice: Silesian Institute, 1984, 144 p.

Sulisz, J. “Zapiski etnograficzne z Ropczyc.” *Lud*, vol. 12, 1906, pp. 57–81.

Tolstaia, S. M. *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury. Ocherki po slavianskoj étnolingvistike*. Moscow: LIBROKOM, 2010, 368 p.

Tymochowicz, M. "Słoma w kulturze tradycyjnej." *Studia Etnologiczne i Antropologiczne*, vol. 17, 2017, pp. 146–160.

Udziała, S. "Świat nadzmysłowy ludu krakowskiego, mieszkającego po prawym brzegu Wisły. Cz. II." *Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny*, vol. 14, no. 4, 1900, pp. 399–411.

Vinogradova, L. N. "Material'nye i bestelesnye formy sushchestvovaniia dushi." *Slavianskie étiudy: sbornik k iubileiu S. M. Tolstoï*, ed. by T. A. Agapkina, Moscow: Indrik, 1999, pp. 141–160.

Vinogradova, L. N., Tolstaia, S. M. "Kukla." *Slavianskie drevnosti: Étnolingvisticheskiï slovar'*, ed. by N. I. Tolstoï. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, pp. 27–31.

Vinogradova, L. N., Tolstaia, S. M. "Venik (metla) v obriadakh i verovaniakh." *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury. Ocherki po slavianskoj étnolingvistike* by S. M. Tolstaia, Moscow: LIBROKOM, 2010, pp. 70–96.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.02

Povetkina P. B.

**The role of object code in the structure of mythological text
(straw in Polish mythological legends and folk beliefs about *zmora*)**

Polina B. Povetkina

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie gory 1, str. 51, Moscow, Russian Federation

E-mail: diana_middels@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8246-5367

Citation

Povetkina P. B. The role of object code in the structure of mythological text (straw in Polish mythological legends and folk beliefs about *zmora*)// *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 209–228 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.3.02

Received: 14.04.2021.

Abstract

The article is devoted to the study of the relationships of different types of cultural codes in Slavic folk culture, and focuses on object, character, and verbal codes. This problem is considered in the article on the

example of straw as a special element of object code in the mythological text about *zmora* and in the context of its functioning. The article investigates mythological motifs and plots associated with *zmora*, which include straw; the place of these motifs and plots in the structure of the mythological text about *zmora*; the problem of their mapping; reflection of traces of folklore notions in which *zmora* is connected with straw in other folklore genres; different ways to protect yourself against *zmora* using straw; the functions of straw as an element of material culture, which are related to the problem under study, as well as parallels to the above in the folk culture of other Western Slavs. The article draws conclusions about a significant role of straw in Polish beliefs and legends about *zmora*. It is also suggested that the repeated mentions of straw in the Polish mythological text about *zmora* can be considered as related fragments that emerged as a result of the disintegration of a whole mythopoetic folk worldview.

Keywords

Polish folk demonology, straw, object code, folklore, mythological text, character code, zmora.